

Литература

1. Ван В. Китайский стиль и техники исполнения «Пяти концертных этюдов» Черепнина // Музыкальное время. – 2012. – № 5. – С. 42–43.
2. Дюу Ц. Создание фортепианных этюдов Черепнина в китайском стиле // Китайское музыковедение. – 2006. – № 4. – С. 101–104.
3. Лю Г. Знания и навыки игры на музыкальных инструментах. – Шэньян: Детское изд-во Ляонин, 2014. – 118 с.
4. Лю Ц. Сборник музыкальных рецензий Лю Цзайшэна / Ц. Лю. – Шанхай: Изд-во Шанх. консерватории, 2015. – 623 с.
5. Цянь Ж. Материалы Международного симпозиума «Черепнин и китайская музыкальная культура». – Шанхай: Изд-во Шанх. консерватории, 2016. – 304 с.
6. Чжан Б. Театр теней для подростков. – Цзинань: Изд-во Тайшань, 2012. – 165 с.
7. Чжан Г. Народная опера. – Хэфэй: Хуаншан. книж. клуб. – 2016. – 139 с.
8. Чжан Ц. Черепнин и китайская современная музыка // Музыкальное искусство. – 2013. – № 02. – С. 47–57.

References

1. Van V. Kitayskiy stil' i tekhniki ispolneniya "Pyati kontsertnykh etudov" Cherepnina [Chinese style and techniques of performance of the "Five Concert Etudes" by Cherepnin]. *Muzykal'noe vremya [Musical time]*, 2012, no. 5, pp. 42-43. (In Chin.).
2. Dou Ts. Sozdanie fortepiannykh etudov Cherepnina v kitayskom stile [The creation of piano etudes Cherepnin in the Chinese style]. *Kitayskoe muzykovedenie [Chinese musicology]*, 2006, no. 4, pp. 101-104. (In Chin.).
3. Lyu G. *Znaniya i navyki igry na muzykal'nykh instrumentakh [Knowledge and skills of playing musical instruments]*. Shen'yan, Detskoe Izdatel'stvo Lyaonin Publ., 2014. 118 p. (In Chin.).
4. Lyu Ts. *Sbornik muzykal'nykh retsenzii Lyu Tszayshena [Collection of music reviews by Liu Zaisheng]*. Shankhay, Izdatel'stvo Shankhayskoy konservatorii Publ., 2015. 623 p. (In Chin.).
5. Tsyau Zh. *Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma "Cherepnin i kitayskaya muzykal'naya kul'tura" [Proceedings of the International Symposium "Cherepnin and Chinese Musical Culture"]*. Shankhay, Izdatel'stvo Shankhayskoy konservatorii Publ., 2016. 304 p. (In Chin.).
6. Chzhan B. *Teatr teney dlya podrostkov [Shadow Theater for Teens]*. Tszinan, Tayshan Publ., 2012. 165 p. (In Chin.).
7. Chzhan G. *Narodnaya opera [Folk opera]*. Khefey, Khuanshan'skiy knizhnyy klub, 2016. 139 p. (In Chin.).
8. Chzhan Ts. Cherepnin i kitayskaya sovremennaya muzyka [Cherepnin and Chinese modern music]. *Muzykal'noe iskusstvo [Musical art]*, 2013, no. 02, pp. 47-57. (In Chin.).

УДК 398.88

РУССКИЕ ЧАСТУШКИ В МУЗЫКАЛЬНО-ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЯХ ТЕЛЕНГИТОВ УЛАГАНА И СИБИРСКИХ ЧУВАШЕЙ

Исмаилова Екатерина Игоревна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, РФ). E-mail: zhimul@ngs.ru

Статья посвящена рассмотрению бытования жанра частушки, заимствованного из русского фольклора, в традиции южно-алтайского этноса теленгитов и проживающих в Сибири в течение последнего столетия чувашей. Автором перечислены характерные черты русских частушек, описаны особенности процесса заимствования и функционирования образцов этого жанра в неславянских музыкальных культурах; рассмотрено содержание текстов частушек, звучащих на родных языках носителей фольклорных традиций: у теленгитов широко бытуют лирико-философские размышления о жизни, у чувашей были записаны тексты преимущественно с любовно-лирической тематикой. В статье проанализи-

зированы модификации частушечного напева «Подгорная» на уровне ритмики и мелодики: основная семи-восьмисложенная ритмоформула сохраняется, в небольшой степени присутствует ритмическое варьирование; наибольшие расхождения с общеизвестным частушечным напевом проявляются в сфере мелодики, что связано с линейностью музыкального мышления носителей традиционной культуры. Автор приходит к выводам о значимости в XX – начале XXI века жанра частушки для музыкально-фольклорных традиций указанных этносов, а также о том, что в теленгитских образцах русский напев подвергается большим трансформациям, чем в чувашских.

Ключевые слова: частушка, заимствованные жанры, мелодико-ритмические трансформации напева, интонационная культура теленгитов, песенный фольклор чувашей Сибири.

RUSSIAN CHASTUSHKAS (DITTIES) IN MUSICAL FOLKLORE TRADITIONS OF THE UELAGAN TELENGITS AND SIBERIAN CHUVASHS

Ismagilova Ekaterina Igorevna, PhD in Art History, Researcher of Sector of Folklore of the Siberian Ethnic Groups, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zhimul@ngs.ru

Chastushkas (ditties) are widely known and common everywhere compositions of oral folk art. Their distinctive features are aphoristic character, improvisational capability, extreme thematic diversity and mobility. The basis of chastushka is a metric monostrophe of two text lines. In the 20th century, as a result of enhanced interethnic and intercultural contacts, chastushka enters into many folklore traditions of non-Slavic peoples of Russia. The existence of chastushkas as a borrowed genre is practically not studied on Siberian material. South Altaians, including the Telengits, became familiar with chastushkas in the 1930-1940s. This genre of Russian oral-poetical art enters folklore traditions of the Siberian Chuvashes in the beginning of the 20th century, on the main territory of their inhabitation, in the Volga region. The content of the Telengite chastushkas, as well as of their Russian analogues, is very diverse. Those are lyrico-philosophical reflections on life, on relatives and friends. The chastushka tunes could be accompanied by texts of the traditional Altai songs. Content of the Chuvash texts is less diverse, those are chastushkas about the feelings and emotions of young people in love. One can encounter the double-language texts where separate Russian words are used. Basis of the melodic of considered samples includes the chastushka tunes of common Russian existence. In the majority of cases, these are the variants of “Podgornaya” (“Under the mountain”), widely common in all Russia. This tune is realized in the intonational cultures of the Telengits and Siberian Chuvashes in the form of wide spectrum of variants. The structure of two-line strophe is most stably retained. Changes partially concern the rhythmic, while the core seven-eight-compound rhythm formula is being preserved. Deviations from the widely known chastushka tune are mainly expressed in the sphere of melodic. Appearance of the diverse variants is related with reliance on linearity, as the principal regularity of musical thinking among the carriers of traditional culture. In overall, in the Telengit samples the “Podgornaya” tune is subjected to larger transformations than in Chuvash samples, in many ways approaching the Altai folk songs.

Keywords: chastushka, borrowed genres, melodic-rhythmic transformations of the tune, intonational culture of the Telengits, song folklore of the Siberian Chuvashes.

DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-93-105

Частушки – это широко известный и повсеместно распространенный жанр устного народного творчества, характерными чертами которого являются афористичность, импровизационность,

чрезвычайное тематическое разнообразие, мобильность, то есть возможность практически мгновенного отклика их создателей и исполнителей на происходящее. По своей конструкции

частушка является метрической двестишной монострофой с рифмами, народным дистихом, построенным на двух тактометрических периодах [8, с. 333]. Структуру метрического стиха частушки определяет принцип равнодольности (16 долей в периоде). Монострофичность частушки придает предельную сжатость изложению ее содержания. Вот как отзывался о частушках выдающийся русский мыслитель начала XX века П. А. Флоренский: «...будучи импрессионистской лирикой по существу, частушка необходимо получает форму небольшого, замкнутого в себе более или менее изящно сложенного целого. Четверостишие частушки самодовлеюще, его нельзя продолжить, его нельзя сократить. Частушка закончена в себе и определена нисколько не менее, нежели сонет или газель или японская танка» (цит. по [12, с. 17]). Приведем также высказывание современной исследовательницы фольклора А. В. Кулагиной: «Отдельная частушка – капелюшка бытия, в которой отражается краткий момент из жизни человека, душевное движение, деталь портрета, а в совокупности (их сотни тысяч) частушки представляют собой образ многомиллионного народа с его чаяниями, радостями, с тем, что он утверждает, прославляет, и с тем, что он осуждает, осмеивает, обличает» [12, с. 264].

Окончательно оформившись как самостоятельный жанр в последней четверти XIX века, частушка становится особенно популярной в XX веке – времени больших социальных потрясений, как живой и непосредственный отклик на них [16, с. 621]. Не теряет своей актуальности этот жанр и в начале XXI века.

Функция частушки принципиально отличается от функции песни. По мнению собирателя образцов этого жанра В. И. Симакова, жившего в начале XX века, основное предназначение частушки заключается в скорейшем отклике на происходящее: «Мне вспоминается характерное сравнение, сделанное одним крестьянином, он сравнил частушку с газетой: вы, говорит, все новости городской жизни узнаете из газет, а мы деревенские новости можем узнать из частушек» (цит. по [1, с. 158]). Таким образом, частушка отражает постоянно меняющуюся жизнь общества и, кроме того, является «способом нарративного осмысления личного и общего опыта» [1, с. 167].

В XX веке в результате усилившихся межэтнических и межкультурных контактов частушка проникает во многие фольклорные традиции неславянских народов России. К настоящему моменту существует очень мало исследований, посвященных проблеме функционирования заимствованных жанров в иноэтнических для них фольклорных традициях. В частности, укажем на труд И. Е. Карпухина, содержащий почти четыре тысячи частушечных текстов, записанных на русском языке от представителей разных народов (украинцев, татар, башкир, чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев), населяющих Башкортостан [17]. Во вступительной статье к сборнику исследователь говорит о том, что «частушка заполнила собой даже не свойственные ей по природе ниши: она проникла в русские и отчасти в нерусские свадьбы, откуда ушел традиционный свадебный фольклор, и закрепилась там» [17, с. 7]. Далее автор убедительно раскрывает мысль о воздействии русских частушек на формирование сходных явлений в традициях нерусских народов Башкортостана – *такмаков*, в том числе билингвистических¹. Объединяющим началом для разноязычных текстов, по мнению исследователя, служит русская мелодия [17, с. 17].

Бытование заимствованных жанров и трансформации, происходящие с ними в иноэтнической среде, становятся предметом внимания этномусикологов сравнительно недавно – в конце XX – начале XXI века [2, с. 71–72; 6, с. 61–62; 7, с. 42–47]. Проблематика настоящей статьи находится в русле подобных исследований, ее целью является рассмотрение и сравнение бытования жанра частушки в музыкально-фольклорных традициях двух тюркоязычных этносов, коренного для Сибири – теленгитов Улаганского района Республики Алтай и чувашских переселенцев, на протяжении сотни лет проживающих в разных областях Сибирского региона. Необходимость предпринятого исследования вызвана фактами ши-

¹ Одним из источников такмаков были переводы частушек исполнителями на родной язык. Отдельные такмаки возникли в результате творческой переработки частушек [17, с. 20]. Особый интерес представляют двуязычные частушки-такмаки. Они возникали и бытуют благодаря билингвизму практически всех народов Республики Башкортостан [17, с. 68].

рокого распространения частушек в XX веке, их активного творческого включения в неславянские фольклорные традиции и крайне малой изученностью этой темы на сибирском материале. А меж тем изучение функционирования заимствованных жанров представляется важным для понимания процессов развития и трансформации, происходящих с фольклорными традициями в XX веке. Заметную роль в этих процессах нередко играют именно привнесенные жанры иноэтнической природы и, в частности, частушки. Показательным также является сравнительный ракурс исследования, позволяющий определить, что общего и что особенного в бытовании образцов этого заимствованного жанра у двух различных тюркоязычных этносов.

Рассмотрим далее бытование частушек в теленгитской и чувашской фольклорных традициях на уровнях их функционирования, вербального и музыкального компонентов. Соприкосновение русской и теленгитской культур произошло достаточно поздно, в конце XIX – начале XX века, поскольку территория Улаганского района Республики Алтай расположена в отдаленной и труднодоступной горной местности². Теленгиты Улагана хорошо идентифицируют частушки именно с этим жанровым обозначением и противопоставляют его собственно алтайским песням – *кожон*. В подавляющем большинстве случаев частушки звучат на родном языке носителей традиции, при этом исполнители, как правило, осознают русское происхождение этого жанра.

Чуваши познакомились с этим жанром русского устно-поэтического творчества, скорее всего, в несколько более ранний период – в начале XX века, еще на основной территории своего проживания, в Поволжье³. Однако расцвет бытования этого жанра в чувашско-сибирской народно-песенной традиции приходится именно на середину – вторую половину XX века. В сибирских деревнях контакты между чувашами и русскими были еще более частыми и постоянными, в результате чего жанр частушки прочно закрепился в

этой локальной чувашской традиции. Как и у многих других народов, у чувашей частушки создавались и исполнялись во время проведения молодежью совместного досуга; очень часто частушки звучали в процессе пляски. В отличие от песенной традиции теленгитов, в устном поэтическом творчестве чувашей наряду с русскими частушками существует самостоятельный жанр так называемой чувашской частушки, или *такмак*. Это краткие, однострофные песни, во многом близкие русским частушкам и испытавшие их непосредственное воздействие [14, с. 124, 139]. Им также свойственна импровизационность, моторно-плясовое начало, двудольная ритмика, отсутствие распевов, интонационная простота, быстрый темп, задорный характер исполнения [9]. По своей стиховой структуре такмаки практически полностью совпадают с русскими частушками. Однако интонационно-мелодическое наполнение чувашских частушек иное, чем у их русских аналогов, поскольку в основе напевов такмаков находятся самостоятельные чувашские мелодии⁴. Примечательно, что сибирские чуваша не употребляют национальное обозначение *такмак* и говорят только по-русски – *частушка*, но при этом воспроизводят тексты такмаков на чувашском языке.

Содержание теленгитских частушек, так же, как и их русских аналогов, удивительно разнообразно⁵. Среди них лирико-философские размышления о жизни, о друзьях, родных и близких:

Элик бычкак өдүгим элей барза, эт албай.

Эне төрөөл ол јерим санай борза, санарбай.

Если моя обувь, сшитая из шкуры косули, изнашивается, то я ее зашью.

Если я соскучусь, затоскую по Родине-матери, то буду ее вспоминать⁶.

⁴ Указанная жанровая разновидность подробнее рассмотрена в статье автора настоящей публикации «Частушки в фольклорной традиции сибирских чувашей» (Чебоксары, 2019, в печати).

⁵ Автор статьи благодарит Н. Р. Ойноктинову за выполнение расшифровок и переводов текстов теленгитских частушек.

⁶ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноктиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от Г. К. Белеевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

² Подробнее об особенностях распространения частушек у южных алтайцев см. [5, с. 70].

³ Наиболее многочисленная волна чувашских переселенцев из Поволжья в Сибирь пришла на 1910–20-е годы [11, с. 28–38].

Камду бөрким берейин, кайра тутпай кийип жүр.

Кару сөзим айдайын, качан бирде санан жүр.
Соболью шапку дам, не выворачивая, носи ее.

Доброе слово свое скажу, когда-нибудь вспомни его⁷.

Буурыл тайдың колоңын бура тарткан жогыс па?

Бу Алтайдың ичине кожо өскөн жогыс па?

Стремя чалого жеребенка накрепко натянули, не правда ли?

На этом Алтае вместе росли, не правда ли?⁸

Встречаются тексты, сложившиеся предположительно в ситуации молодежных собраний и игр:

Ойнобосто не келгең? От аларга келгең бе?

Жыргабайта не келгең жылынарга келгең бе?

Если не собираешься играть, то зачем явился? Огня попросить пришел ты?

Если не собираешься веселиться, то зачем пришел ты? Погреться пришел ты?⁹

Тошту сууды кечерге мениң адым тайкылбас.

Топшур согуп ойнорго мениң колым чылабас.
Чтобы заледеневшую реку перейти, моя лошадь не споткнется.

Чтобы играть на топшуре, моя рука не устанет.

⁷ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноктиновой в д. Кара-Кудюр Улаганского района Республики Алтай от М. И. Конышевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

⁸ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноктиновой в д. Кара-Кудюр Улаганского района Республики Алтай от А. М. Сандьяевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

⁹ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноктиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от Р. Я. Тайдоновой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

Ташту сууды кечерге мениң адым тайкылбас.

Гармошко тартып ойнорго мениң колым чылабас.

Чтобы каменистую реку перейти, моя лошадь не споткнется.

Чтобы на гармошке играть, моя рука не устанет¹⁰.

Во многих частушечных текстах присутствует мотив ожидания. По словам исполнителей, эти частушки пелись во время напряженного ожидания родных, ушедших на фронт:

Ак чечектиң бажына адару качан конгой не?

Адай барган төрөдөндөр айланып ойто келгей не?

На кончик белого цветка когда-нибудь пчела сядет ли?

Родные люди, с которыми не виделись, еще увидимся ли?¹¹

В некоторых частушках передана радость от встречи с долгожданными, вернувшимися с войны близкими:

Чапкан өлөң чалынду, кургак өлөң ол кайтсын?

Жуудаң арткан жыргалду, ырыстузы ол кайтсын?

Скошенная трава свертывается в кучу, с сухой травой что случится?

Оставшиеся после войны с весельем, с счастливыми что случится?¹²

¹⁰ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноктиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от С. И. Сартаковой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

¹¹ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноктиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от П. О. Танзаевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

¹² Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноктиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от О. М. Енчиновой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

Удивительно, но с частушечными напевами могут звучать тексты свадебных *кожон*, поющие во время традиционного алтайского обряда сватовства:

*Мөштөп ойгон айагым күннең сүрлү көрүнзин.
Ичинде урган аражан мөдтөң татту амзал-зын.*

*Кара беениң сүдинепичиң ийзең, кудагай,
Јаандап келген балапды кысканбай берзең,
кудагай.*

Чашка, выстроганная из кедра, пусть ярче солнца смотрится.

Арадьян, налитый в чашку, пусть слаще меда будет испробован.

Из молока черной кобылы испей, сватья моя.

Повзрослевшего своего ребенка, не жалея, отдай, сватья моя¹³.

Тексты некоторых частушек могут служить поэтической основой для алтайских *кожон*. Так, например, ранее приведенный текст, начинающийся со слов «*Ойнобосто не келгең?*», звучащий с частушечным напевом и идентифицируемый исполнителями как частушка, бытует и в качестве *кожон* [15, с. 64, 65]. На наш взгляд, алтайские народные тексты в совокупности с частушечной интонационностью демонстрируют особенно яркий пример прочного закрепления заимствованных напевов в фольклорной традиции теленгитов.

Можно заметить, что практически во всех приведенных текстах, как в традиционных алтайских, так и в собственно частушечных, появившихся уже в XX веке как отклик на события современности, присутствует свойственный также и русским частушкам образный и синтаксический параллелизм. Однако образная система теленгитских частушек значительно отличается от таковой в русских текстах. В частушках, звучащих на теленгитском языке, в сравнительных оборотах присутствуют образы, характерные для алтайской народной поэзии: шкура косули, соболя шапка, молоко черной кобылы, стремя жеребенка, чашка,

¹³ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноткиновой в с. Балыктуюль Улаганского района Республики Алтай от С. С. Тадышевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

выстроганная из кедра и т. п. Подобное образно-смысловое наполнение текстов также свидетельствует о принятии этого жанра в фольклорную традицию теленгитов.

Рассмотрим содержательный аспект частушек на чувашском языке¹⁴. Можно сказать, что их содержание несколько менее разнообразное, чем в рассмотренных теленгитских текстах. Как правило, это частушки о милоте, о чувствах и эмоциях молодых людей (от любви в самых разных оттенках ее проявления до неприязни), об отношениях между влюбленной девушкой и ее родителями (чаще всего недовольными, осуждающими):

*Уйăх сүти сүтă пултăр
К(ĕ)венте çăлтăр çаврăнтăр.*

Савни тени чипер пултăр

Куçран пăхсан йăл култăр.

Свет луны пусть будет светлым,

Созвездие Ориона пусть вращается.

Тот, кто мой милый, пусть будет пригожим,

Посмотрев в глаза, пусть радостно улыбнется¹⁵.

Савни ларать сак çинче

Ик çүрече хушинче.

Пёвё яштак, куçё чакăр –

Çав сунтарать чёрене.

Милый сидит на лавке,

Между двумя окнами.

Строен телом, глаза светлые –

Все это пленяет [мое] сердце¹⁶.

Савни терём, мён терём те

Савни, саватна терём?

Савмасассăн кала терём

Чунам сивёнтёр терём.

¹⁴ Автор статьи выражает благодарность Е. В. Федотовой за выполнение расшифровок и переводов текстов частушек на чувашском языке.

¹⁵ Записано в 2003 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Витинск Северного района Новосибирской области от Т. Г. Сергеевой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0190.

¹⁶ Записано в 2003 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Алешинка Северного района Новосибирской области от В. М. Красновой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0190.

Сказала я милому вот что:
«Милый, любишь ли меня? – спросила [я], –
Если не любишь, скажи мне,
Пусть душа моя охладится [к тебе]»¹⁷.

*Мана анне юратать,
Шурă тутăр сыхтарать.
Каччăсемпе калаçсассăн
Кёвентепе хăвалать.*
Меня мама любит,
Она мне белый платок подарила.
Когда с женихами хожу –
Мама меня палкой гоняет¹⁸.

*Чёкеç вёсет пит сўлтен
Сунатти пит сăмăлтан.
Самрăк чунăм хурланать
Савни çара кайнăран.*
У ласточки крылья легкие –
Поэтому высоко летает.
Моя душа горюет от того,
Что милый в армию уходит¹⁹.

Нередко встречаются двуязычные тексты, в которых в чувашских текстах используются отдельные русские слова.

*Лапша, вермишель –
Мёнле пёçермеле-ши?
Качча кайсан хунямая
Мёнле юрамалла-ши?
Лапша, вермишель –
Как же ее сварить?*

¹⁷ Записано в 2003 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Алешинка Северного района Новосибирской области от Н. Н. Малышевой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0190.

¹⁸ Записано в 2004 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Пихтовка Колыванского района Новосибирской области от В. И. Арсентьевой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0213.

¹⁹ Записано в 2009 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, Я. Безоковым, Д. Борзых, А. Скворцовой в с. Рождественском Казачинского района Красноярского края от А. М. Петровой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории.

Когда выйду замуж,
Как же угодить свекрови?

*Кошка брис, кошка брис,
Алăк умне не ложись.
Мой миленочек идет
Такăнать те упадет.*
Кошка, брысь, кошка, брысь,
Перед дверью не ложись.
Мой миленочек идет,
Споткнется и упадет²⁰.

При этом во многих частушечных текстах можно обнаружить характерные для чувашской афористической поэзии образный параллелизм, реализуемый в структуре двухзвенной строфы.

В основе мелодики частушек, записанных от представителей обоих обозначенных этносов, находятся частушечные напевы общерусского бытования. В большинстве случаев это варианты широко распространенной по всей России «Подгорной» («Русского») ²¹. Из известных нам вариантов этого напева наиболее близким по отношению к рассматриваемым нами образцам является напев «Подгорной» из репертуара Сибирского народного хора, записанный в Барнауле и обработанный А. П. Новиковым для женского хора [13, с. 282, 283]. Этот напев представляет собой двустрочную четырехфразовую структуру, фразы которой соотносятся между собой как *aa, bc*. В мелодии частушечного напева преобладает нисходящее движение в объеме кварты, а также интонации опевания (нотный пример 1) ²².

²⁰ Этот и предшествующий ему образец записаны в 2008 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, А. В. Журба в д. Мошканка Тарского района Омской области от З. Н. Яруткиной. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории.

²¹ Кроме «Подгорной», в теленгитской фольклорной традиции единично встречаются и другие частушечные напевы общерусского бытования («Милка чё, да милка чё?» и др., см. об этом в [5, с. 77, 78]). В интонационной культуре сибирских чувашей частушки звучат с напевом «Подгорной» или же с собственно чувашскими мелодиями.

²² Подробный анализ напева «Подгорной» содержится в [5, с. 73].

Пример 1

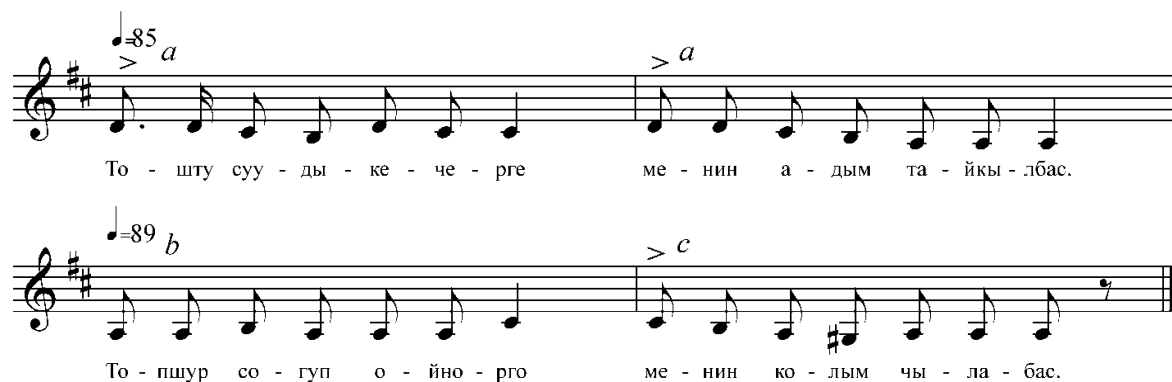

Ты По - дго - на, ты По - дго - рна, ши - ро - ка - я у - ли - ца,
По - че - му, ска - жи, По - дго - рна, се - рдце так во - лну - е - тся?

Приведенная мелодия – один из множества вариантов частушечного напева. Бытование частушечных напевов в большом количестве мелодических реализаций характерно как для русской [4, с. 111], так и для рассматриваемых нами тюркских интонационных культур. Точное воспроизведение напева «Подгорной» среди записанных нами частушек отсутствует. Рассмотренный нами напев реализуется в интонационных культурах теленгитов и сибирских чувашей в виде широкого спектра вариантов, при этом, как правило, оставаясь узнаваемым на слух. Каждая носительница указанных нами традиций поет частушечные тексты со своим индивидуальным, сложившимся в ее исполнительской практике вариантом «Подгорной».

Проведенный этномузыкальный анализ показал общность процессов трансформации известного частушечного напева, происходящих в обеих музыкально-фольклорных традициях. Поэтому теленгитские и чувашские частушки далее будут рассмотрены вместе, в сравнительном ракурсе.

В образцах, зафиксированных в обеих музыкально-фольклорных традициях, наиболее стабильно выдерживается структура двухстрочной строфы, которая остается практически неизменной. Изменения отчасти затрагивают ритмику (в отдельных образцах встречается пунктирный ритм), однако основная семи-восьмисложенная ритмоформула, как правило, сохраняется (нотные примеры 2, 3).

Пример 2²³

То - шу суу - ды - ке - че - рге ме - нин а - дым та - йкы - лбас.
То - пшур со - гуп о - йно - рго ме - нин ко - лым чы - ла - бас.

²³ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойноктиновой в с. Балыктуюль Улаганского района Республики Алтай от С. И. Сартаковой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

Ун - та - лла пǎ - хсан та цук та, ку - нта - лла пǎ - хсан та цук.

Са - вни па - нǎ кǎ - мǎл цǎ - ре вǎл та пǎ - рне - ре те цук.

Встречающиеся расхождения с общеизвестным частушечным напевом в основном проявляются в сфере мелодики. При этом заключительная опора напева является результатом нисходящего мелодического движения и закрепляется с помощью повторения; вводнотоновость, характерная для русского частушечного напева, в большинстве случаев отсутствует. Появление разнообразных

вариантов, подчас довольно далеко отступающих от русского первоисточника, вероятно, связано с отсутствием тонально-гармонических представлений в сознании исполнителей, с опорой именно на линейность как на основную закономерность музыкального мышления носителей традиционной культуры.

Ка - ра - та - йдын ко - ло - нын ка - тай та - рткан жо - гыс па?

Ка - ра - Ку - дьур ко - лхо - зко Ка - ру о - скон - жо - гыс па?

²⁴ Записано в 2003 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Алешинка Северного района Новосибирской области от Н. Н. Малышевой, Л. В. Романовой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0190.

²⁵ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойроткиновой в д. Кара-Кудюр Улаганского района Республики Алтай от А. М. Сандяевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

Пример 5²⁶

А - йта, и - нке, вă - рма - на ху - ра сы - рла пу - ста - рма,
Ху - ра сы - рла пыл пе - кех, ма - нан и - нке чун пе - кех.

Пример 6²⁷

По - езд ки - лет ка - шла - са ву - ник у - ра - па - лля,
Ма - нăн са - вни пу - ла - сси сь - тек сь - па - та - лля.

В частушках, зафиксированных у чувашей, преобладает речитация и даже скандирование в узком диапазоне (особенно в начальных фразах), широкие интонационные ходы появляются лишь в каденциях; часто (хотя и не всегда) частушки, записанные от чувашей, звучат в быстром темпе. Таким образом, заложенное в мелодике частушек речитативно-декламационное начало в большинстве образцов еще более усиливается. На наш взгляд, нисходящее мелодическое движение и в некоторых случаях бесполутоновые интонации в каденционной зоне представленных вариантов можно рассматривать как проникновение в русский частушечный напев закономерностей чувашского традиционного музыкального мышления. В ситуациях коллективного пения, так же как и в русских частушках, фрагментарно возникает терцовая втора (см. пример 3).

Среди теленгитских частушек встречаются образцы с более распетой и индивидуализированной мелодикой и ритмикой (пример 7). Изначально моторно-плясовая природа напева заметно изменяется в результате воздействия сдержанного темпа звучания, внетрических сокращений и расширений длительностей, восходящих и нисходящих скольжений-глиссандо, трансформируясь в сторону большей песенности.

²⁶ Записано в 2005 году Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Сидоровка Колыванского района Новосибирской области от К. П. Акимовой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0228.

²⁷ Записано в 2003 году Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Витинск Северного района Новосибирской области от Г. Т. Сергеевой. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, А 0190.

У - зе - ни уч ка - - у - - зу - - лбе - зин - ка - ча - - нда - -

У - з(у)ги - жок мен ко - жо - ны мды у - нду - ба - гар ка - ча - - нда.

Показательно, что самые значительные отклонения от основного частушечного напева присутствуют в образцах, записанных от песенниц – выдающихся носительниц теленгитской фольклорной традиции (П. О. Танзаевой, М. И. Кобышевой и др.). Очевидно, обладая незаурядным песенным даром, эти исполнительницы способны наиболее активно и изобретательно трансформировать инородные для своей родной культуры фольклорные явления.

В результате сравнения вариантов частушечного напева, бытующих в обеих тюркских интонационных культурах, можно заметить, что в теленгитских образцах напев, как правило, более удаляется от русского первоисточника, чем в чувашских. В большинстве случаев мелодика и ритмика теленгитских частушек более индивидуализирована и развита. При этом в алтайских и чувашских образцах иногда встречаются очень сходные мелодические фрагменты, – вероятно, таким образом проявляются общие закономерности бытования напева в устной среде. Свой отпечаток накладывают также исполнительские особенности. У чувашей в большинстве случаев частушки звучат в процессе пляски, поэтому поются в быстром темпе и речитативной манере, в более редких случаях исполняясь напевно и сдержанно (см. пример 3). У теленгитов частушки (особенно записанные от ярких и авторитетных носительниц традиции) подвергаются большей трансформации, во многом приближаясь к алтайским народным песням *кожон*.

Полевые материалы начала XXI века отражают факт достаточно прочного закрепления

русских частушек в фольклорных традициях улаганских теленгитов и сибирских чувашей. Среди причин укажем: большую популярность этого жанра в русской фольклорной традиции XX века и ее заметное воздействие на культуру неславянских сибирских народов.

Но существуют и иные предпосылки заимствования этого жанра. Они связаны с имманентными свойствами самого напева «Подгорной»: в нем присутствует ряд закономерностей, характерных для традиционных жанров обеих фольклорных традиций: теленгитских песен *кожон* и чувашской частушки. Прежде всего, это ритмоформула семисложника (шесть кратких и одна долгая длительность), на которой строится временная организация частушечного напева. Подобная ритмоформула присутствует и в *кожон* (первый ритмический модус, по терминологии Г. Б. Сыченко [15, с. 72]), и в чувашской частушке [9]. Сходство проявляется также в звукорядах напева «Подгорной» и обозначенных фольклорных жанров. Русский частушечный напев в основном (за исключением единично встречающихся субтонов) укладывается в диапазон чистой кварты. Звукоряд теленгитских *кожон* представляет собой тетраорд с субтоном, распространенный в Сибири напев чувашской частушки также строится на интонациях кварты с заполнением. При этом носительницы обеих традиций, творчески

²⁸ Записано в 2008 году Е. И. Жимулевой, Н. Р. Ойроткиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от П. О. Танзаевой. Место хранения: Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии, № 13.030.

развивая частушечный напев, расширяют его диапазон до сексты, септимы и даже октавы. Наконец, почвой для усвоения неславянскими фольклорными традициями инокультурного для них жанра служит структурная четкость и краткость, поэтико-музыкальная афористичность частушки, свойственная также произведениям алтайского и чувашского фольклора.

Нами уже предпринималась попытка определить место русских частушек в системе интонационной культуры сибирских чувашей. Они относятся к группе жанров, заимствованных из русской традиционной музыки, и составляют собой гомоморфную переинтонируемую страту [7, с. 45]. К пласту заимствованных жанров относятся и теленгитские частушки, однако эту страту следует обозначить как гетероморфную, поскольку

в теленгитской фольклорной традиции бытует не только напев «Подгорной», но и, в меньшем количестве образцов, другие частушечные напевы (см. об этом в [5, с. 77, 78]). Само существование страт заимствованных жанров, на наш взгляд, свидетельствует о способности интонационных культур теленгитов и чувашей к трансформации инокультурных влияний, об их внутреннем потенциале и жизнестойкости в условиях современного общества. Дальнейшее рассмотрение бытования жанров, включенных в фольклорные традиции неславянских народов Сибири из русской музыкальной культуры, и в частности, жанра частушки, будет способствовать формированию более полного и адекватного представления о судьбах традиционного культурного пространства в условиях XX–XXI веков.

Литература

1. Адоньева С. А. Прагматика частушки // Антропологический форум. – 2004. – № 1. – С. 156–178.
2. Андреева О. И., Белоусова Л. Ю., Сыченко Г. Б. Итоги экспедиционной работы в районе хакасско-шорского пограничья // Народная культура Сибири: науч. поиски молодых исследователей / отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 69–72.
3. Бойко Ю. Соотношение текста и напева в русской частушке // Искусство устной традиции: Историческая морфология: сб. ст., посвященный 60-летию И. И. Земцовского. – СПб.: РИИИ, 2000. – С. 216–225.
4. Гиппиус Е. В. Интонационные элементы русской частушки // Советский фольклор: сб. ст. и мат-лов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – № 4–5. – С. 97–142.
5. Жимулева Е. И. Частушки в интонационной культуре теленгитов Улаганского района Республики Алтай // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири. – Новосибирск: Арта, 2009. – С. 70–81.
6. Исмагилова Е. И. К проблеме изучения заимствованных жанров в музыкально-фольклорных традициях коренных народов Сибири // Народная культура Сибири: мат-лы XXI науч.-практ. семинара Сиб. регион. вузов. центра по фольклору. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. – С. 61–67.
7. Исмагилова Е. И. Песенная традиция чувашей Сибири в свете теории интонационной культуры этноса // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 45/1. – С. 39–49.
8. Квятковский А. П. Частушка // Поэтический словарь. – М.: Совет. энцикл., 1966. – С. 333–338.
9. Кондратьев М. Г. Такмак жанр [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия. – URL: <http://enc.csp.ru/?t=publ&lnk=4436> (дата обращения: 05.07.2017).
10. Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 286 с.
11. Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и культурная адаптация). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 270 с.
12. Кулагина А. В. Поэтический мир частушки. – М.: Наука, 2000. – 268 с.
13. Русские частушки, страдания, припевки / сост. Н. Котикова. – М.: Гос. муз. изд-во, 1956.
14. Сидорова Е. С. Возникновение и развитие жанра частушек в чувашском фольклоре // Исследования по чувашскому фольклору. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1984. – С. 119–141.
15. Сыченко Г. Б. Традиционная песенная культура алтайцев: дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 1998. – 291 с.
16. Фраёнова Е. М. Частушка // Музык. энцикл. слов. / гл. ред. Г. В. Келдыш. – М.: Совет. энцикл., 1990.
17. Частушки (в устах нерусских Башкортостана) / сбор мат-ла, сост., пер. двуязычных текстов, вступ. ст., коммент., слов., фотомат-лы и пояснения к ним И. Е. Карпухина; нот. расшифровки И. Н. Васильева. – Уфа: Китап, 2003. – 528 с., ил., нот.

References

1. Adonyeva S.A. Pragmatika chastushki [Pragmatics ditties]. *Antropologicheskij forum [Anthropological Forum]*, 2004, no. 1, pp. 156-178. (In Russ.).
2. Andreeva O.I., Belousova L.Yu., Sychenko G.B. Itogi ekspeditsionnoy raboty v rayone khakassko-shorskogo pogranich'ya [Results of expeditionary work in the Khakass-Shor border region]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: nauchnye poiski molodykh issledovateley [Folk culture of Siberia: scientific research of young researchers]*. Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., 2001, pp. 69-72. (In Russ.).
3. Boyko Yu. Sootnoshenie teksta i napeva v russkoy chastushke [The correlation of text and chorus in the Russian ditty]. *Iskusstvo ustnoy traditsii: Istoricheskaya morfologiya [The Art of Oral Tradition: Historical Morphology]*. St. Petersburg, RIII Publ., 2002, pp. 216-225. (In Russ.).
4. Gippius E.V. Intonatsionnye elementy russkoy chastushki [Intonation elements of the Russian ditty]. *Sovetskij fol'klor [Soviet folklore]*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1936, no. 4-5, pp. 97-142. (In Russ.).
5. Zhimuleva E.I. Chastushki v intonatsionnoy kul'ture telengitov Ulaganskogo rayona Respubliki Altay [Ditties in the intonation culture of telengits of the Ulagansky district of the Altai Republic]. *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri [Traditions and innovations in modern folklore of the peoples of Siberia]*. Novosibirsk, ARTA Publ., 2009, pp. 70-81. (In Russ.).
6. Ismagilova E.I. K probleme izucheniya zaimstvovannykh zhanrov v muzykal'no-fol'klornykh traditsiyakh korenykh narodov Sibiri [On the problem of studying borrowed genres in the musical and folklore traditions of the indigenous peoples of Siberia]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: materialy XXI nauchno-prakticheskogo seminarra Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'klору [Folk culture of Siberia. Materials of the XXI scientific-practical seminar of the Siberian regional university center on folklore]*. Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 61-67. (In Russ.).
7. Ismagilova E.I. Pesennaya traditsiya chuvashy Sibiri v svete teorii intonatsionnoy kul'tury etnosa [Song tradition of the Chuvash of Siberia in the light of the theory of intonational culture of the ethnic group]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2018, no. 55, chast' I, pp. 39-49. (In Russ.).
8. Kvyatkovskiy A.P. Chastushka [Ditty]. *Poeticheskij slovar' [Poetry Dictionary]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966, pp. 333-338. (In Russ.).
9. Kondratyev M.G. Takmak zhanr [Takmak Genre]. *Chuvashskaya entsiklopediya [Chuvash Encyclopedia]*. (In Russ.). Available at: <http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=4436> (accessed 05.07.2017).
10. Kondratyev M.G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma [Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism]*. Moscow, PER SE Publ., 2007. 286 p. (In Russ.).
11. Korovushkin D.G., Lotkin I.V., Smirnova T.B. *Neslavyanskije etnodispersnye grupy v Zapadnoy Sibiri (formirovanie i kul'turnaya adaptatsiya) [Non-Slavic ethnodispersed groups in Western Siberia (formation and cultural adaptation)]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2003. 270 p. (In Russ.).
12. Kulagina A.V. *Poeticheskij mir chastushki [Poetic world of ditties]*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 268 p. (In Russ.).
13. *Russkie chastushki, stradaniya, pripevki [Russian ditties, suffering, refrains]*. Compiled by N. Kotikova. Moscow, State musical Publ., 1956. (In Russ.).
14. Sidorova E.S. Vozniknovenie i razvitiye zhanra chastushek v chuvashskom fol'klоре [The emergence and development of the genre of ditties in the Chuvash folklore]. *Issledovaniya po chuvashskomu fol'klору [Research on Chuvash folklore]*. Cheboksary, Research Institute of Language, Literature, History and Economics Publ., 1984, pp. 119-141. (In Russ.).
15. Sychenko G.B. *Traditsionnaya pesennaya kul'tura altaytsev: dis. kand. iskusstvovedeniya [Traditional song culture of Altai people. Diss. PhD in Art History]*. Novosibirsk, 1998. 291 p. (In Russ.).
16. Fraenova E.M. Chastushka [Ditty]. *Muzykal'nyy entsiklopedicheskiy slovar' [Musical Encyclopedic Dictionary]*. Ed. G.V. Keldysh. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. (In Russ.).
17. *Chastushki (v ustakh nerusskikh Bashkortostana) [Ditties (on the lips of non-Russian Bashkortostan)]*. Collection of material, compilation, translation of bilingual texts, introductory article, comments, dictionary, photographs and explanations by I.E. Karpukhin; musical transcripts by I.N. Vasiliev. Ufa, Kitap Publ., 2003. 528 p. (In Russ.).